

РОССИЯ – СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО?

Расторгуев В.Н. – д-р филос.н., профессор МГУ им М.В. Ломоносова,
заместитель председателя Научного совета по изучению и охране культурного
и природного наследия при Президиуме РАН

Размышления профессора Валерия Расторгуева о том, есть ли предпосылки для
развития социального государства, о котором заявил Вячеслав Володин

Ключевые слова: статья 7 Конституции, социальное государство,
достойная жизнь, свободное развитие человека, российское законодательство...

RUSSIA - SOCIAL STATE?

Rastorguev V.N. - Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State
University named after MV Lomonosova, Deputy Chairman of the Scientific Council
for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage at the Presidium of the
Russian Academy of Sciences

Reflections of Professor Valery Rastorguev about whether there are
prerequisites for the development of a welfare state, as announced by Vyacheslav
Volodin

Keywords: article 7 of the Constitution, social state, dignified life, free
development of a person, Russian legislation ...

Председатель Госдумы Вячеслав Володин считает, что в российском
законодательстве следует более полно раскрыть определение «социальное
государство», сообщает ТАСС.

«В законодательстве было бы правильно более полно раскрыть определение "социальное государство», - сказал глава нижней палаты парламента РФ, отвечая на вопрос о том, что он понимает под необходимостью проанализировать нормы Конституции РФ. С такой инициативой спикер выступил в конце декабря на встрече руководства Федерального собрания РФ с президентом Владимиром Путиным.

Глава палаты отметил, что Конституция России, принятая 25 лет назад, «определила путь и приоритеты развития России как сильного, демократического, правового и социального государства». «Опираясь на правовой фундамент Основного закона, за минувшие десятилетия удалось решить комплексную и непростую задачу - сформировать систему современного российского законодательства», - указал он.

В то же время 25 лет - тот срок, когда «можно и нужно оценить потенциал для развития и дальнейшего повышения эффективности работы принципов и норм Конституции», продолжил Володин. Он подтвердил, что «этот анализ возможностей актуализации конституционных норм не должен затрагивать, ставить под сомнение основополагающие положения Конституции». «Напротив, речь идет о том, как добиться их максимально качественной реализации, адаптировать к новым вызовам и требованиям времени, - убежден он. - Какие для этого необходимы новые трактовки или дополнительные законодательные решения, которые отвечали бы запросам людей и коренным задачам развития страны».

«Данный подход полностью соответствует широко распространенной в мировой конституционной практике доктрине "живой конституции", необходимость реализации которой в нашей стране постоянно подчеркивает председатель Конституционного суда Валерий Зорькин», - добавил политик.

Ответить на соответствующие вопросы необходимо, констатировал Володин. «Согласно социологическим исследованиям, именно соблюдение и максимально полная реализация конституционных прав граждан - прежде всего

социальных прав - является безусловным приоритетом для общества», - напомнил он.

«Более того, за время, которое прошло с момента принятия Конституции, возникло большое количество новых социально-экономических практик, например, профессий и форм занятости», - обратил внимание глава палаты. «Многие из них на сегодняшний день не в полной мере подпадают под правовое регулирование, и права граждан оказываются не защищены: механизмы реализации трудовых и иных социальных прав в этих сферах недостаточны и не обеспечивают эффективную реализацию конституционных норм», - считает он.

«Реализация принципов социального государства, создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, которые установлены статьей 7 Конституции, - это ключевой запрос общества к конституционной системе. По сути, это запрос на социальную справедливость», - заключил Володин.

В.Н. Расторгуев так проанализировал размышления Вячеслава Володина в интервью «Русской народной линии»:

- Вячеслав Володин заговорил о социальном государстве только теперь, после принятия так называемой «пенсионной реформации», которая затронула фундаментальные основы всей социальной политики РФ. И действительно, сегодня настал момент, чтобы остановиться и хотя бы немного подумать, куда идем и что строим, ну и что сами стоим, соответственно... Этим и интересно его высказывание, которое не содержит в себе ничего нового: кто только не писал и не говорил, еще со времен принятия очередной конституции, что основные цели, названные в ней, совершенно не прописаны и не осмыслены, начиная с тезиса о построении социального государства. Что это такое? С чем его едят? А может быть, и не едят, поскольку есть-то уже нечего, все съели? Даже у меня был целый ряд докладов, сделанных в начале 2000-х в обеих палатах парламента, и соответствующих публикаций на тему о том, что

конституционный принцип социального государства – это заведомый обман или самообман. Впрочем, уже тогда это было понятно многим.

Пожалуй, единственная политическая сила в стране, которая с момента своего возникновения в течение всех этих лет постоянно говорит о том, что конституционный принцип социального государства – не принцип вовсе, а в лучшем случае заявление о намерениях – это социал-демократическая партия «Справедливая Россия». КПРФ могла бы быть полноценным союзником в борьбе за социальное государство, но для этого ей пришлось бы отказаться от идеи возвращения социалистического государства, а это уже откровенный ревизионизм – поддерживать идею, выдвинутую как альтернатива марксизму. Еще труднее представить в качестве союзника правящую партию, монополизировавшую парламент, поскольку именно ее руками полностью задушена многопартийность (единороссами захвачены почти все места в парламенте) и осуществлен демонтаж главного завоевания социализма – достойного пенсионного обеспечения целых поколений людей, многие из которых не имеют шанса дожить до обещанного «порога дожития», чтобы получить хоть и нищенскую, но поддержку государства.

Но вернемся к творцам конституции. Никто из них в действительности никогда и не собирался выполнять обещанное – строить хоть что-то отдаленное похожее на эту цель, поскольку заняты они более важной для них программой – не монтажом, а демонтажом социальных гарантий, которые еще остались на «постсоветском пространстве» от эпохи социализма. Идеи Гайдаровского форума – их знамя. И в этом они не оригинальны: вся мировая элита свернула на сколький путь демонтажа социальных гарантий сразу же после разрушения СССР и развала биполярной системы, которая, собственно, и породила мирную конкуренцию «лагерей», где главным инструментом в руках «лагеря капитализма» и стала концепция социального государства.

Эта концепция зародилась в Европе еще во времена Бисмарка, который впервые ввел государственные пенсии для простого люда, чтобы лишить социал-демократов их главного козыря в борьбе с монархией. Но подлинный

расцвет этой идеи произошел в Европе после Второй мировой войны, так как она осталась между молотом и наковальней – дикими темпами социального расслоения на Западе и последовательной социальной политикой лагеря социализма, давшей людям гарантии, которых человечество не знало прежде. Единственным шансом остановить распространение «красной идеологии», сохранить капиталы и систему их накопления стал принцип социального государства, возведенный в ряде европейских стран в ранг основного конституционного принципа.

Если в начале пути страны Запады сильно проигрывали Советскому Союзу и странам социалистического лагеря в социальном плане – не было базовых социальных гарантий для населения, которые даже и не декларировались, то со временем благодаря избранной модели на Западе удалось добиться многого. Заметные изменения произошли на ниве борьбы с нищетой и безработицей, в защите политического равноправия женщин, в обеспечении доступного образования и пенсионного государственного обеспечения старших возрастных категорий и так по всему спектру социальных гарантий, которые до этого были привилегией жителей соцстран.

В СССР и социалистических странах успешно проводились реальные социальные реформы. Путь запланированных социальных реформ избрала и Западная Европа, которая во много переняла у нас опыт государственного перераспределения и долгосрочного планирования. К примеру, если в СССР в деятельности парламента принимали полноценное участие женщины и представители самых различных профессий, то осуществлялось это за счет квотирования. Вроде бы выборы по квотам, когда выбирать приходилось, по сути, уже назначенного кандидата, не имеют ничего общего с западной демократией, но именно этот принцип квотирования и был заимствован западными странами, объявившими себя социальными государствами. Благодаря ему они добились высокого представительства женщин в органах власти, да и многих иных социальных гарантий. При этом социальное

государство было и остается альтернативой социалистическому обществу, построенному в Советском Союзе и странах социалистического лагеря.

Во время демонтажа Советского Союза все мыслимые и немыслимые ресурсы страны были растрочены не для созидания, а для разрушения очень сложной многоуровневой системы социальных гарантий, характерных и для социалистического общества, а ныне и для социальных государств. Разумеется, Россия деградировала, в то время как в Европе постоянно поднимался уровень социальных гарантий. Но, увы – в определенной точке встречного движения в нашей стране к власти пришли олигархи, желающие одного – любой ценой встроиться в мировую элиту. Бегство элит – процесс, детально описанный А.С. Панариным. Именно в этот момент у западных хозяев мира уже не осталось ни малейшего стимула делиться и окрепло желание медленно, шаг за шагом, демонтировать до основания все, что было связано с социальным государством.

И начался этот поворот с повышения пенсионного возраста в большинстве западных демократий... А далее – шоковая терапия, во многом вызванная неконтролируемой миграцией, которую потому и превратили в искусственно неразрешимую проблему, чтобы заставить рядовых европейцев пожалеть о собственных социальных завоеваниях, которые на их глазах пожираются толпами чужеземцев, не готовых интегрироваться, но готовых потреблять и потреблять заработанное европейцами право на поддержку своих государств. А эти гарантии не резиновые – еще немного и, глядишь, социальное государство само рассосется в Европе, став совершенно не рентабельным. Всеобщие протестные наслоения, движение «желтых жилетов» во Франции и невероятный подъем социалистических идей среди молодежи в США (до 20 процентов) свидетельствуют масштабах надвигающейся катастрофы. О глубочайшем кризисе и чудовищном социальном расслоении, которое характеризует сегодня Западный мир и служит приговором всей капиталистической системе, говорилось в последнем докладе Римского клуба

(об этом читай мое недавнее интервью на РНЛ: Подводим итоги, провидим будущее: Кому тоги и чертоги, а кому рубище.

Идея социального государства осуществлялась в европейских странах не единообразно, а на основе множества различных национальных моделей – скандинавских, французской, германской. Это позволяет нашим доморощенным деформаторам ссылаться на сожность проблемы, связанную с многообразием типов социального государства. В действительности все намного проще. Дело в то, что был и остается общий универсальный механизм, который и сделал все модели социального государства жизнеспособными – это **контроль государства за социальными ножницами**, как называют разрыв между 10 процентами малообеспеченных граждан и 10 процентами самых высокообеспеченных людей. Суть социального государства предельно проста. Она заключена в том, что государство должно крепко держать кольца от этих ножниц в своих руках, контролируя разрыв лезвий, который не должен превышать определенных норм – имущественный разрыв при таком подходе не может выходить за грань дозволенного (в разных странах граница дозволенного определяется по-разному – от 7 до 14 пунктов). **Но как достичь этого эффекта? Только одним способом – за счет прогрессивного налогообложения**, когда огромные прибыли не присваиваются дельцами, а перераспределяются в пользу социально уязвимых групп: причем именно государство перераспределяет ресурсы в пользу бедных.

К сожалению, такая методика оценки ситуации и рисков давно уже не применима к России. Здесь социальные ножницы изначально выпали из рук государства, в результате чего социальный разрыв на порядок выше, а численность малообеспеченных – на порядок больше из-за отсутствия среднего класса – основного фактора стабильности системы. Но именно благодаря «управляемым социальным ножницам» и введению прогрессивной шкалы налогообложения – и на прибыль, и, что особенно важно, на наследование – на Западе было создано не только социальное государство, но его главный продукт – **современное гражданское общество нового типа – гражданское**

общество как третий сектор экономики. Это самый влиятельный сектор экономики после государства и крупного частного бизнеса. Его ячейки – неправительственные некоммерческие организации (НКО), как правило, однопроблемные – самоуправляемые организации социальной и экологической направленности, а также религиозные общины. Они, кстати, могут заниматься самыми различными видами бизнеса, но с одним более чем существенным отличием – получаемая прибыль не присваивается хозяевами, а полностью отдается только на благотворительность, социальную помощь и другие социально значимые цели, а также на развитие дела.

Поддержка государства выражается в том, что НКО вообще не облагаются налогами, и это дает им колоссальную фору, которая появляется в конкурентной борьбе с государственным и частным бизнесом только при условии значительной верхней планки прогрессивного налогообложения. Она в ряде стран приближается к 50 и даже к 80 процентам (такой порог был введен, например, Рузвельтом, благодаря чему удалось вывести страну из депрессии). На Западе гражданское общество процветает и вовлекает в орбиту социально ориентированных НКО до 60 - 70 процентов активного населения, причем НКО развиваются совершенно самостоятельно. В России даже признаков подобного подъема не намечается. Только что в Общественной палате был подготовлен развернутый доклад о гражданском обществе в России, где говорится о том, что в Москве, к примеру, в волонтерском движении участвует только 2% населения. Сравните цифры: 60% активного населения в крупных и малых городах Европы и 2% в Москве!

Тот факт, что у нас отсутствует прогрессивное налогообложение и на наследование, углубляет социальный и имущественный раскол, начисто исключает создание мощных благотворительных фондов, на основе которых в большинстве стран функционируют негосударственные университеты, госпитали, хосписы и бесконечное число других социальных и благотворительных организаций, снижающих на порядки социальные и политические риски. К примеру, продление сроков выхода на пенсию не стало

бы трагедией для миллионов и не превратилось в фактор чрезмерного риска для системы в России, если бы у нас существовали и функционировали тысячи благотворительных организаций, готовые протянуть руку помощи каждому нуждающемуся. И это хорошо понимают богатейшие люди планеты, но не наши олигархи. К примеру, когда Трамп обратился с предложением существенно снизить верхнюю планку налогообложения для крупного бизнеса, то именно семья Рокфеллеров и другие богатейшие семьи выступили против этого заманчивого, казалось бы, предложения: устойчивость политической системы стократ дороже.

Я мог бы продолжать эту тему до бесконечности. Тем более, что совсем недавно, в середине декабря, я специально говорил о возможности реализовать конституционный принцип социального государства с подлинным, а не имитационным гражданством, основанном на активном участии в гражданском обществе, на заседании в Совете Федерации «Об укреплении российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций». Когда будет опубликована стенограмма, с удовольствием поделюсь с читателями РНЛ. Надежда умирает последней...

Переиздается с согласия автора из СИ «Русская народная линия»,
http://ruskline.ru/news_rl/2019/01/23/rossiya_socialnoe_gosudarstvo/